

Вступление: Первый снег выпадает беззвучно

После нескольких осенних дождей погода резко похолодала. Всю ночь дул пронзительный северный ветер, а когда утром открыли окна, всё вокруг уже было укрыто белоснежным покровом. Алые стены и золотая черепица Запретного города покрылись слоем искристого снега, утратив свою обычную величественную давящую атмосферу и явив миру редкую тишину и чистоту.

Это был первый снег первого года правления Юнчжэна.

Госпожи всех дворцов оделись в тёплые одежды, серебряный уголь жгли не жалея. Во время утренних поклонов наложницы непременно заводили разговор о снежном пейзаже: кто хвалил его изящество, кто жаловался на холод. В зале в тот день было оживлённее обычного.

Наследная наложница Хуа, Нянь Шилань, уже оправилась от болезни и сегодня тоже явилась. На ней было новое дворцовое платье из парчи цвета «дикая яблоня», пожалованной императрицей, поверх — белоснежная лисья шуба. Красное в сочетании с белым делало её ещё прекраснее цветка, но в чертах её лица, по сравнению с прежним, появилась едва уловимая сдержанность.

Она сидела, не произнося ни слова, лишь изредка поднимала глаза на И Сю, восседавшую на троне феникса. Когда их взгляды встречались, она быстро опускала глаза и бессознательно поглаживала турмалиновый браслет на запястье.

Наследная наложница Ци сегодня была разговорчива: хвасталась пожалованной императором накануне красной золотой шатающейся заколкой, зазывала других посмотреть на недавно полученные меха, но то и дело косилась на ослепительное платье цвета «дикая яблоня» на Нянь Шилань. Голос её сочился завистью: «Ой, младшая сестра Хуа, какая же яркая у тебя материя! Видно, императрица умеет баловать!»

Нянь Шилань, получив намёк от И Сю и уже остерегаясь наследной наложницы Ци, лишь слабо улыбнулась: «Старшая сестра Ци шутит. Госпожа просто посчитала, что этот цвет идёт мне. А вот ваша заколка и впрямь изысканна». Тон её был ни тёплым, ни холодным, она ловко вернула тему обратно.

И Сю восседала наверху и видела эту мелкую пикировку как на ладони. Уголки её губ тронула мягкая улыбка, она не вмешивалась, лишь, когда те двое обменивались колкостями, её взгляд, казалось бы, невзначай скользил по ним с едва заметной оценивающей ноткой.

После поклонов снег перестал. Солнце светило на снег, отражая ослепительный свет.

И Сю не стала сразу возвращаться во дворец, сказала, что хочет зайти в Сливовый сад посмотреть, не распустились ли ранние сливы. Нложницы, естественно, поддержали, и вся процессия направилась за императрицей в Сливовый сад.

Нянь Шилань шла немного позади. Незаметно для себя она замедлила шаг и постепенно отстала от шумной группы. Она остановилась под старой сосной, покрытой снегом, и смотрела на покрытые льдом и снегом беседки и терема вдалеке, о чём-то задумавшись.

Внезапно позади неё послышался лёгкий хруст снега.

Она обернулась. Это оказалась императрица И Сю, которая тоже незаметно отделилась от

остальных и тихо подошла к ней. Между ними было лишь несколько кустов падуба, засыпанных снегом.

В свете солнца и снега И Сю была в тёмном плаще с золотым узором феникса. Лицо её было чистым, взгляд — спокойным. Казалось, она слилась с этим ледяным, чистым миром, но в то же время возвышалась над ним.

«Младшая сестра одна любителю снегом — какой утончённый вкус», — И Сю слегка улыбнулась. Голос её был негромким, но Нянь Шилань отлично слышала.

Сердце Нянь Шилань сжалось. Она невольно скосила глаза по сторонам: то смутное ощущение слежки, казалось, исчезло — возможно, все были привлечены суетой в Сливовом саду. Она взяла себя в руки, оправила одежды и ответила: «Я, ваша наложница, просто посчитала это место тихим».

И Сю подошла ближе. Взгляд её упал на яркий цвет «дикая яблоня» у ворота лисьей шубы Нянь Шилань. Со значением она произнесла: «Снежный пейзаж, конечно, хорош, но слишком чист, нужны яркие цвета, чтобы оживить его, иначе он лишён жизни. Но если цвет слишком бросается в глаза, нужно уметь его скрывать, не то навлечёшь зависть ветра и снега».

Её слова звучали как оценка наряда, но в то же время повторяли предостережение, сделанное в тот день: блистать можно, но нужно уметь прятать острё и остерегаться чужой зависти.

Нянь Шилань поняла намёк и тихо ответила: «Я, ваша наложница, понимаю. Не посмею забыть наставлений госпожи». Она помедлила, глядя на покрасневший от мороза кончик носа И Сю, и, словно под влиянием каких-то чар, выпалила: «На снегу очень холодно, госпоже тоже стоит беречь своё драгоценное здоровье».

Произнеся это, она и сама опешила, на лице выступил румянец. Такая забота казалась слишком прямой.

И Сю, похоже, тоже слегка опешила. Затем в глубине её глаз мелькнула едва уловимая, почти радостная искра, такая быстрая, что её невозможно было уловить.

Она не ответила на эту заботу, а перевела разговор. Взгляд её устремился к замёрзшему Пруды Тайе вдалеке, и она, словно бы ведя светскую беседу, сказала: «Посмотри на эту гладь льда. Кажется ровной и гладкой, но под ней — скрытые течения, глубина неведома. Шагнёшь не туда — и погибнешь безвозвратно. Видно, в этом мире не всё таково, каким кажется. На каждом шагу нужно быть осторожной».

Нянь Шилань проследила за её взглядом, и в душе её похолодело. Императрица снова говорит иносказаниями! Она предупреждает, что даже сейчас, когда всё кажется спокойным, подозрения императора и повсюду расставленные глаза соглядатаев остаются течением подо льдом — опасность подстерегает на каждом шагу.

«Я, ваша наложница, приняла наставление», — серьёзно ответила она.

И Сю повернула голову и пристально посмотрела на неё. Взгляд её был сложным — в нём читались оценка, взвешивание и, возможно, толика едва уловимого... ожидания? «Младшая сестра — умная женщина, понимает с полуслова. Я... довольна».

Сказав это, она больше не промолвила ни слова, повернулась и медленно направилась к шумной группе в Сливовом саду. Тёмный плащ оставлял на снегу длинный, одинокий след.

Нянь Шилань стояла на месте, глядя ей вслед. В голове снова и снова звучало последнее слово — «довольна». Оно заставило её сердце биться быстрее, чем любая награда императора. Тепло разлилось по всему телу, прогоняя холод снежного дня.

Вечером Инь Чжэнь, что случалось редко, вызвал к себе наследную наложницу Хуа.

После внутренней борьбы Нянь Шилань всё же надела свои самые роскошные одежды и отправилась в Зал Воспитания Сердца. Она говорила себе, что это долг наложницы и способ отвести подозрения. Чем в такое время, тем меньше можно показывать слабость, нельзя позволить кому-либо заметить что-то необычное между ней и императрицей.

Инь Чжэнь обращался с ней как будто бы по-прежнему. Он спросил о болезни, наградил чашей тёплого вина. Однако в разговоре то и дело упоминал гармонию в Шести дворцах, добродетель императрицы, заслуги Нянь Гэньяо на границе. Взгляд же его был остёр, как у ястреба, и он незаметно отслеживал каждую её реакцию.

Нянь Шилань, памятуя о предостережении И Сю, была особенно осторожна в ответах. Когда речь заходила об императрице, она хвалила, что та добра и заботлива; когда о старшем брате — благодарила императора за милость, неизменно добавляя, что императорская милость безгранична и клан Нянь будет служить до конца; когда о Шести дворцах — говорила, что всё это заслуга госпожи, которая мудро управляет, и что сёстры живут в согласии.

Она вела себя почтительно, благодарно и даже с некоторой опаской после пережитого — что полностью соответствовало поведению наложницы, которая, перепугавшись, пытается снова завоевать расположение.

Инь Чжэнь смотрел на её потупленный взор и осторожные речи. Подозрение в его глазах немного угасло — возможно, он решил, что она наконец-то испугалась и притупила свои коготки. Он смягчил тон и даже, что бывало редко, похлопал её по руке.

Однако, когда Нянь Шилань уже немного успокоилась и собралась подавать ему кисть, Инь Чжэнь небрежно спросил: «Я слышал, на днях императрица пожаловала тебе отрез облачной парчи цвета “дикая яблоня”? Сегодня я видел тебя в нём — и правда ярко. Императрица весьма... неравнодушна к тебе».

Рука Нянь Шилань, державшая кисть, резко дрогнула, чуть не брызнув тушью. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, опустила веки, скрывая бурю в глазах, и постаралась говорить ровно: «Императрица милостива и добра, пожалела, что ваша наложница скучает в болезни, пожаловала отрез, чтобы развлечь меня. В сердце своём я могу лишь благодарить императора и госпожу за их милость». Она нарочно поставила «императора» на первое место.

Инь Чжэнь несколько мгновений пристально смотрел на неё, а затем вдруг улыбнулся: «Я просто спросил, а ты так разволновалась. То, что императрица добра к Шести дворцам — это хорошо». Он не стал допытываться, а заговорил о другом.

Со спины Нянь Шилань градом катился холодный пот. Императору действительно известно! И спросил он так внезапно! Если бы не предупреждение императрицы, она бы наверняка растерялась!

Вернувшись из Зала Воспитания Сердца, Нянь Шилань скинула роскошное платье и почувствовала себя совершенно измождённой — будто выдержала битву. Испытание императором, хождение по тонкому льду — всё это заставило её вновь остро осознать всю

опасность этой глубокой обители.

Она отослала всех служанок, осталась одна сидеть при свете лампы и смотрела в зеркало на своё лицо — всё ещё прекрасное, но с печатью усталости. Турмалин на запястье был прохладен на ощупь.

Внезапно она заметила под шкатулкой с драгоценностями неприметный листок простой бумаги. Сердце её ёкнуло. Она вытащила его и развернула.

На нём было всего несколько иероглифов, написанных знакомым ей твёрдым, сдержанным почерком:

«После снега дорога скользка. Ступай осторожно».

Ни подписи, ни обращения.

Нянь Шилань сжимала в руке этот тонкий листок, но он казался тяжелее тысячи цзиней. Императрица... она даже то, что произойдёт в Зале Воспитания Сердца, способна примерно предвидеть? И вот так снова предупреждает её, успокаивает?

Непередаваемое чувство охватило её. Было и запоздалое сожаление, и радость от того, что всё обошлось, и, более того, успокоение от того, что её крепко держит невидимая рука, а также... волнующая и тайная дрожь оттого, что она разделяет с высокой императрицей невероятный секрет.

Она поднесла бумагу к пламени свечи и подожгла, глядя, как она превращается в пепел.

Пламя заплясало в её блестящих глазах, отражая невиданную прежде решимость.

Во Дворце Цзинжэнь И Сю слушала тихий доклад Цзянь Цю о том, что наследная наложница Хуа благополучно вернулась во Дворец Икунь, и равнодушно кивнула.

Она подошла к окну и посмотрела на мелкий снег, снова начавший падать за окном.

Пешка перешла реку. Было страшно, но обошлось.

Какой будет следующий ход, чтобы на этой заснеженной шахматной доске сделать убийственный шаг к победе?

Глаза её, прекрасные, как у феникса, прищурились, в них блеснул холодный свет.

<http://bllate.org/book/18894/1846953>